

Выходные данные: Национальные образы мира в литературе: сборник статей по материалам XXXVI Зональной конференции литературоведов Поволжья (20-22 сентября 2018 года) / под ред. Н.М. Ильченко, Ю.А. Марининой. Н. Новгород: Мининский университет, 2019. 300 с.

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ СКАЗОЧНАЯ ТРАДИЦИЯ В ПУШКИНСКОЙ «СКАЗКЕ О РЫБАКЕ И РЫБКЕ»

А.С. Степанов

Мы привыкли считать сказки, даже сочинённые известными русскими авторами, выражением народного духа, чем-то связывающим нас с тысячелетней народной культурой. Но, оказывается, многие из этих почти родных нам образов заимствованы у европейских сказочников.

Прежде чем обнаружить западноевропейскую сказочную традицию в пушкинской «Сказке о рыбаке и рыбке» [1, с.1088], нужно сравнить сказки Пушкина со сказкой братьев Гримм и обратиться к истории их происхождения. Из шести сказок, записанных Пушкиным, только одна («Сказка о попе и работнике его Балде») идет непосредственно из устного творчества, — все остальные идут из книги, от книжных и западноевропейских и восточных источников. Его задачей было передать чуждые сюжеты так, чтобы они стали подлинно-национальными.

Немецкие ученые-филологи братья Гримм записывали сказки от народных сказителей, сознательно стремясь сохранить народный дух и народный язык. Позднее они лишь обработали услышанные и записанные варианты, придав им литературную форму. Откуда же приплыла к нам золотая рыбка? Как ни странно, из Германии. У братьев Гримм в их знаменитом собрании сказок есть «Сказка о рыбаке и его жене» [2, с.318]. Рыбак вылавливает в море камбалу — а камбала оказывается заколдованным принцем. Несчастный принц-камбала просит отпустить его с миром, так и происходит. Но жадная жена рыбака требует в уплату за милость новый дом, потом — каменный замок, дальше больше, ей хочется быть кайзером, папой римским и наконец — Господом Богом. Последнее желание переходит все границы, и рыбака с женой отправляют восвояси — в прежнюю лачугу.

Сходство, казалось бы, абсолютное. Противники гипотезы о заимствовании сказки братьев Grimm приводили довольно весомый аргумент: Пушкин не мог читать сказки Гриммов, так как не знал немецкого языка. Ответ пришёл неожиданно: в библиотеке Пушкина находилась французская книга старинных сказок для больших и маленьких, оказавшаяся переводом сказок Гриммов. Белового автографа сказки «О рыбаке и рыбке» не сохранилось, но в Российской государственной библиотеке в Москве хранится черновой текст. Помимо многочисленных разночтений в этом черновике имеется один эпизод, совершенно отсутствующий в окончательном тексте сказки. В своих исследованиях Сергей Михайлович Бонди приводит черновики сказки к «Сказке о рыбаке и рыбке», где обнаружился следующий эпизод:

Говорит старику старуха:

«Не хочу быть вольною царицей,

А хочу быть римскою папой» [3, с. 49-52].

Таким образом, сказка Пушкина выпадает из русской традиции, но примыкает, по мнению многих исследователей, к традиции западноевропейской, гриммовской. Отмечая близость сказки Пушкина и немецкой, исследователи фиксируют и некоторые характерные черты отличия. Самым главным отличием является желание старухи быть римским папой и требование божеской власти. Последние два мотива отсутствуют у Пушкина, ибо они вполне естественно должны были отсутствовать и в русских сказках как мотивы, типичные для католических стран. Тем не менее эти мотивы нашлись и у Пушкина. До сих пор при всех многочисленных исследованиях сказок Пушкина историки литературы и фольклористы не считали нужным обращаться к подлинным рукописям Пушкина. Между тем это изучение даёт возможность совершенно по-иному поставить вопрос и найти ответ для решения проблемы источника данной сказки.

Перед ним вавилонская башня,

На самой верхней на макушке

Сидит его старая старуха,

На старухе сарочинская шапка,
На шапке венец латынский,
На венце [не разб.] спица,
На спице [Строфилус] птица [ссылка!].

Этот текст, в сущности, уже совершенно решает вопрос об источнике, однако сам Бонди всё же не осмелился сделать этого решительного вывода. Но дальнейший сравнительный анализ текста делает совершенно лишней подобную осторожность. В том же черновом тексте мы находим ещё ряд моментов, указывающих на первоначальный источник. В гриммовской сказке старуха так выражает своё желание быть богом: она не может перенести, что солнце и луна заходят и поднимаются без её разрешения. В черновике Пушкина первоначально было написано:

«Не хочу быть римскою Папой,
А хочу *быть владычицей* солнца» [ссылка!].

Затем вторая строка зачёркнута и заменена:

«А хочу быть владычицей морскою»,

как это и вошло в окончательную редакцию.

Вполне соответствует немецкой сказке мотив последовательного усиления волнения моря и изменения его цвета при каждом новом требовании старухи. Когда рыбак в сказке Гримм приходит с первой просьбой, он видит следующее: море стало совершенно зелёное и жёлтое и не такое светлое; во второй раз вода делается тёмно-синей и серой; в третий раз — тёмно-серой и беспокойной и т.д.; в последний раз он уже застаёт бурю и непогоду.

Видит, — море слегка разыгралось.

(Не спокойно синее море.)

(Почернело синее море.)

Вот идет он к синему морю,

Видит, на море черная буря [ссылка!].

Текст немецкой сказки Пушкин переключил в план русской. Первоначально он, как это обнаруживает черновик, ещё более заострял и

подчёркивал черты национального колорита. Так, например, он хотел перенести действие на озеро Ильмень, а Золотую рыбку сделать родственницей рыбкам-золотые перья, которых вылавливал купец Садко. Принц-камбала тут явно смотрелся бы странно, да и не особенно водилась в России камбала. Так что красавица-рыбка в золотой чешуе — это подарок нам от Пушкина.

В окончательной редакции Пушкин отказался от этих подчёркиваний национальных русских черт, но вся сказка настолько выдержана в стиле подлинно русской сказки, что нескольким поколениям исследователей не приходила в голову мысль о возможности прямого и непосредственного воздействия какого-либо иностранного источника.

Чем похожи сказки Пушкина на народные волшебные сказки и чем отличаются от них?

Параллели с Гриммами можно найти в сюжете «о рыбаке и рыбке» (Андр. 555) [4]. Литературную сказку мы будем сравнивать с фольклорной — прежде всего из сборника Афанасьева и со сказками, записанными на территории Нижегородской области — «Сказка про золотую рыбку» (зап. от Лопаткиной А.И. в 1988 г.), «Жадная старуха» (зап. от Рябовой А.Н. в с. Кекино Воротынского р.) 1998 [5, с.132]), «Ель» (зап. от Роговой К.А. в Нижнем Новгороде) [6, с.87].

Сопоставление гриммовской сказки «О рыбаке и его жене» со сказкой А. С. Пушкина оказывается тем более правомерным, что именно данный сюжет указывается отечественными фольклористами в качестве основного источника «Сказки о рыбаке и рыбке». Подробно вопрос об источнике сюжета пушкинской сказки рассмотрен М. К. Азадовским, утверждающим, что среди известных русских сказок нет вполне соответствующей пушкинскому тексту: «По указателю Аарне — Андреева этот сюжет зарегистрирован 6 раз: в сборнике Афанасьева и в сборнике Смирнова. Из этих текстов только сказка, приведенная в сборнике Афанасьева под № 39, дает ту же схему, что и Пушкин. Если допустить, что данная сказка является источником Пушкина, то придется вместе с тем допустить, что Пушкин совершенно рабски следовал своему

источнику. Такое предположение было бы, конечно, явно ошибочным, и во всяком случае этому противоречит все, что мы знаем о характере творческой работы Пушкина. Более правильно, поэтому, другое предположение, в свое время высказанное В. Майковым, что в этой сказке мы имеем обратное явление: пересказ сказки Пушкина» [7, с. 137-138]. Обратившись к остальным текстам, исследователь приходит к выводу о том, что все они существенно отличаются от пушкинского произведения: «Типичным примером может служить сказка того же афанасьевского сборника, озаглавленная «Жадная старуха» (№ 40). Старик рубит в лесу дерево; дерево просит пощадить его, обещая исполнить любое желание. Старик просит богатства. Затем старуха посылает старика с требованием к дереву сделать его бурмистром. Дальше старик и старуха делаются последовательно: дворянами, полковником и полковничихой, генералом и генеральшей и, наконец, царем и царицей. Последнее требование: стать богами, но в ответ на последнюю просьбу дерево «зашумело листьями и молвило старику: будь же ты медведем, а жена твоя медведицей. В ту же минуту старик обратился в медведя, а старуха медведицей, и побежали в лес». Этот тип представлен и во всех остальных записях. Ни в одной из них нет упоминаний ни о золотой рыбке, ни о какой либо вообще рыбе; в роли последней выступают: чудесное дерево, святой, живущий на дереве, птичка-дрозд, грош. Превращение в зверей, которым заканчивается приведенная сказка, также обычно для русских вариантов. Если в афанасьевском варианте ни о какой золотой рыбке, о море не идет речи, значит в сказке Пушкина налицо влияние западноевропейских традиционных сказочных образов.

Интересен еще такой момент. Поэт наделяет своих персонажей противоположными гендерными качествами — используется эффект «отзеркаливания» гендерных стереотипов — иными словами старуха показана главой семьи, а старик всячески старается угодить своей жене, чтобы избежать наказания. Такой тип семейных отношений никак не характерен для традиционной патриархальной русской семьи. Здесь можно найти еще один

смысл сказки — поэт хочет нам сказать, что главой русской семьи должен быть мужчина, иначе вся семья останется у разбитого корыта.

Очень похожую на пушкинскую сказку можно увидеть в нижегородском фольклоре. В сборнике НГПУ им. К. Минина «Сказки нижегородских сказителей» (1998) есть сказка «Жадная старуха» (СУС 555) [5, с.132], записанная в с. Кекино Воротынского р-на от Рябовой А.Н. В роли чудесного помощника выступает не рыбка, как в пушкинской сказке, а дерево. Когда старуха захотела сделать своего мужа Господом Богом, дерево превратило супругов в волков. Интересно то, что не сама старуха захотела стать владычицей, как в сказке Пушкина, а сделать владыкой своего мужа, то есть патриархальные отношения сохранены именно в нижегородской сказке, у Пушкина же они разрушаются по западному образцу. В сборнике «Сказки, которые нам рассказывают» можно найти похожую сказку (СУС 555), но в роли чудесного помощника выступает ель, а старуха вместо высокого общественного положения просит то хлеба, то золота, а то и вовсе, чтобы все люди её боялись. В результате старуха и старик оборачиваются медведями.

Нижегородская сказка с этим же сюжетом, записанная от Лопаткиной, — краткий пересказ пушкинского сюжета с вариацией: вместо дворянки (у Пушкина) старуха хочет стать «молодой женщиной» (отражение современных реалий). Второй вариант более просторен — старик ловит не рыбку, а щуку, и лишь потом обращается к ней «Рыбка, рыбка, золотая рыбка» [8, с. 116]. И лишь вторая просьба старухи посвящена корыту, а первая — «рыбки бы на ужин». В этом варианте проявляется отношение сказочницы к рассказываемым событиям и их героям. Современный сказочник не просто приспособливает пушкинский текст к современным условиям, но и явно приспособливает его на свой лад. С одной стороны при этом снижается философская значительность и глубина сказочного текста, с другой стороны всем знакомый пушкинский текст приспособливается к нижегородской сказочной традиции.

Обобщая сказанное, можно констатировать, что; 1) используя сюжет, аналогичный сюжету немецкой сказки, Пушкин учитывает национальный

характер сказочных персонажей и отражает колорит русской сказки; 2) главное отличие от сказки братьев Grimm, сказка Пушкина о самой главной ценности для поэта — она прославляет человеческую верность и любовь; 3) в пушкинской сказке мы чувствуем открытое авторское отношение к героине, чего не знает народная сказка.

Таким образом, сказочные сюжеты русских и зарубежных сказок очень часто соприкасаются друг с другом. Отличия проявляются в зависимости от национального менталитета, природных факторов, особенностей животного мира. Можно сказать, что сказочные сюжеты практически идентичны у всех народов мира.

Примечания

1. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. — М.: Изд-во АН СССР, 1937-1949. —Т ??, 1949. —??с.

2. Сказки, собранные братьями Гриммами / Пер. под ред. П. Н. Полевого. — М.: Алгоритм, 1998. — Т. I. —??с.

3. Бонди С.М. Черновики Пушкина. — М., 1971. —??с.

4. Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне / Гос. рус.геогр. о-во. Отд-ние этнографии. Сказоч. комис. — Л.: Гос. рус.геогр. о-во, 1929. — 118 с.

5. Сказки нижегородских сказителей: учеб. пособие. / Сост. М.П. Шустов. — Нижний Новгород: изд-во НГПУ, 2003, — 224 с.

6. Сказки, которые нам рассказывают: учеб. пособие. /Сост. М.П. Шустов. — Нижний Новгород: изд-во НГПУ, 2003, — 224 с.

7. Азадовский М.К. Сказки Пушкина // А.С. Пушкин. Сказки. — Л., 1936. — С.??-??

8. Нижегородские сказки. Сост. Н.В. Морохин. — Н. Новгород, 1992. —??с.